

Оглавление

<i>I.</i> Рассказ старого краеведа	3
<i>II.</i> Зов судьбы	24
<i>III.</i> Джентльмен удачи	46
<i>IV.</i> Бритва Оккама	56
<i>V.</i> Золотой ключ	67
<i>VI.</i> Принцесса из страны эльфов	78
<i>VII.</i> На графских развалинах	99
<i>VIII.</i> Дом с привидениями	109
<i>IX.</i> Таинственный управляющий	120
<i>X.</i> Ход конем	140
<i>XI.</i> Король шпионов	153
<i>XII.</i> Тень Шамбалы	169
<i>XIII.</i> Адский коктейль	179
<i>XIV.</i> Воспоминания чекиста	192
<i>XV.</i> Маги Черного ордена	204
<i>XVI.</i> Тропы Беловодья	217
<i>XVII.</i> Покровитель кладонскателей	239
<i>XVIII.</i> Проводник пломбированного вагона	250
<i>XIX.</i> Исчезающая тайна	261
<i>XX.</i> Западня	283
<i>XXI.</i> Пенье сирен сладкозвучных	295
<i>XXII.</i> На лезвии бритвы	306
<i>XXIII.</i> Незримые цепи	324
<i>XXIV.</i> Вольные каменщики	335
<i>XXV.</i> Тень за спиной	348
<i>XXVI.</i> Рыцарь Грааля	360

<i>XXVII.</i> На Патриарших прудах.	375
<i>XXVIII.</i> Политэкономия тайны.	388
<i>XXIX.</i> Черный следопыт	401
<i>XXX.</i> Великое искусство.	414
<i>XXXI.</i> Змея кусает свой хвост.	427
<i>XXXII.</i> Пиковая дама	442
<i>XXXIII.</i> Нездешние берега	459

I

РАССКАЗ СТАРОГО КРАЕВЕДА

Ужели, перешедши реки, увижу я свой
отчий дом?

Валерий Брюсов. Блудный сын

Рожденный под знаком Рыб всегда склонен к мистицизму. Эта фраза, вычитанная из какой-то астрологической книжонки, которую я, томясь от безделья, взял с полки в комнате сестры, вспомнилась мне, когда электричка тронулась и за окном потянулись унылые серые виды ранней российской весны. Ведь родился дядя Боря всего на пару дней позже, и был бы полный порядок. Характер его всегда идеально соответствовал честолюбивому и властному Овну. Ничто не мешало бы этому матерому карьеристу беззаветно стремиться вперед, бестрепетно расталкивая ближних в суете жизненной ярмарки тщеславия. Кто знает, может быть, он и прорвался в ряды партийных небожителей, стоявших уже выше и идеологии, и морали, и закона. Во всяком случае, дядя Боря упорно шел к этому всю свою жизнь и почти достиг своей цели. Но стать членом

ЦК КПСС ему так и не удалось. Возможно, именно из-за этих двух роковых дней, которые отделили его дату рождения от знака Овна.

На календаре стояло 21 марта, и я в этой плохо протопленной электричке ехал поздравлять с днем рождения всеми забытого пенсионера, тихо доживавшего свой бурный век на подмосковной даче.

За окном было сыро и пасмурно, попутчики мои, в основном такие же неудачники, как и я, всю свою жизнь построившие коммунизм и оставшиеся в конце ее у разбитого корыта, угрюмы и молчаливы. Зима совсем не хотела уходить, запуская холод в вагон и за шиворот. Глаз никак не мог зацепиться ни за одну деталь однообразного пейзажа за окном, и не оставалось никакого другого занятия, как думать.

А думы мои были невеселые. Перспектив не вырисовывалось никаких. Уже три месяца я торчал в Москве. Родной город встретил неласково. Как и тридцать лет назад, он не верил слезам, но теперь стал каким-то хищным и безжалостным. Раньше участью слабых было прозябание на задворках жизни, теперь такой вариант казался несбыточной мечтой. Проигравших ждала гибель. Медленное, мучительное и бесславное умирание посреди апофеоза богатства и расточительства. А я был проигравший.

Кем еще можно считать отставного капитана внутренних войск, не нашедшего себя после армейской службы ни в органах, ни в нарождающейся рыночной экономике?

Расставшись с армией в том самом судьбоносном 1991 году, когда приказал долго жить Союз нерушимый, я пятнадцать лет промотался по провинции в поисках счастья, пока три месяца назад не понял: все, надо обратно вертеть колесо Фортуны, и подался в столицу. Сестра давно звала к себе в Москву, но я не хотел никому мешать. Теперь обивал пороги охранных предприятий и детективных агентств. Но кому нужен отставник, которому каких-то пять лет осталось до пятидесяти? Здесь от молодых-то отбоя нет.

Скудные сбережения таяли, а пенсия разве что не позволяла помереть с голоду.

Сестра помогала, конечно, чем могла, подключала связи. Видимо, в глубине души чувствовала какую-то вину за то, что ей достались прекрасные квартиры отца и деда, одну из которых она выгодно продала, и все у нее сложилось, и у детей все прекрасно, и в новую жизнь она влилась удачно, а у младшего брата ни семьи, ни кола ни двора. Вот и теперь она отправила меня в Подмоскowie, поздравлять с днем рождения дядю Борю, чтобы я немного развеялся и отвлекся от мрачных мыслей вдали от городской суеты. Заодно и старика порадовал.

Надо сказать, что дядя Боря был философ. Не просто какой-нибудь болтун и резонер, любящий порассуждать о жизни, а самый настоящий кандидат философских наук. В этом тоже проявилось влияние знака Рыб. Дело в том, что своей специальностью он избрал научный коммунизм, самую благодатную ниву в минувшие времена господства исторического материализма. Все бы ничего, но диссертацию начинающий

философ написал на тему идеологических течений восемнадцатого века, а это, сами понимаете, сплошные тайные общества и масоны. В концепцию классово-вой борьбы трудящихся за свое освобождение все эти аристократические разборки никак не вписывались.

Диссертацию незадачливый теоретик, рожденный под знаком Рыб, а потому тяготеющий к мистицизму, с грехом пополам защитил, но университетская карьера у него пошла насмарку. Он подался на партийную работу, где его быстро заметили и продвинули. Оказалось, что пресловутые масоны и сейчас живее всех живых, к тому же играют немалую роль в жизни самых разных стран, потому-то изучавшему их идеологию дяде Боре скоро нашлась престижная и непыльная работенка за рубежом.

Грянувшая перестройка покончила с его карьерой. Старый коммунист не смог, как большинство его коллег, быстро переквалифицироваться в политологи и отправился на заслуженный отдых на подмосковную дачу, где, всеми забытый и покинутый, размышлял о причинах краха социалистических режимов, на которые было потрачено столько прекрасных, но, увы, бесплодных идей и вполне реальных народных средств.

Сумки, собранные сестрой, были довольно тяжелы, в основном за счет бутылок чилийского сухого вина, к которому дядя пристрастился в своей зарубежной жизни, а теперь, увы, не мог себе позволить. Поэтому меня на станции должен был встретить некий Алексей, заблаговременно предупрежденный. Он был соседом дяди Бори и, ввиду полной непригодности к какой-либо полезной деятельности, подрабатывал на жизнь все-

возможными гаданиями и гороскопами. Теоретическую базу для сего почтенного занятия Алексей черпал из богатейшей дядиной библиотеки, заодно и скрашивая одиночество старика.

В марте темнеет рано, поэтому до дому мы добрались, уже когда в окнах зажегся свет. Именинник ждал. В комнате было особенно тепло после промозглого весеннего тумана, уютно пылал камин, да и дядюшка настоял, чтобы я сразу выпил чуть ли не полстакана старого коньяку.

— Вино хорошо пить в солнечной Италии, — ласково напутствовал он, — а в наших палестинах без крепких напитков никак.

Что ж, несмотря на то, что дядя Боря всю жизнь занимался идеологией, он так и остался прожженным материалистом. Коньяк сразу примирил меня с действительностью. Все вокруг стало милым и родным. Я с грустной сентиментальностью рассматривал нашу старую добрую дачу, где когда-то в розовом детстве был так счастлив и безмятежен. Тревоги, волнения, упорная учеба и первые разочарования — это осталось на долю городской квартиры. Здесь на даче были каникулы и выходные, любимые книги и заоблачные мечты. Здесь когда-то так любил жить мой отец. Как давно это было! Тридцать лет назад. Целая жизнь.

А вещи пережили своих хозяев. В обстановке дома почти ничего не изменилось. Та же мебель, крепкий обеденный стол на кухне, огромные кресла у камина, монументальный радиоприемник «Мир». Некогда

все это казалось неслыханной роскошью и барством, а теперь стало лишь воспоминанием о минувшей эпохе Великой системы привилегий.

Перебравшийся сюда после выхода на пенсию старый философ не передвинул ни единого стула, свято сохранив уголок безвозвратно ушедшего, но так любимого им мира.

Вот и меня, едва я переступил порог нашей бывшей дачи, на миг охватила ностальгия и жалостно защемило сердце. Был ведь и я счастлив! Давным-давно. В детстве. Как блудный сын притащился я сюда уже на склоне лет, промотав молодость по чужим краям. Только библейского возвращения не получилось. Никому было ни принимать меня, ни любить, ни прощать. Я словно вынырнул из прошлого, как привидение. По глазам сестры было видно, что она даже жалеет о том романтическом юнце, которого она со слезами проводила некогда в большую жизнь, в далекую Алма-Ату, и навсегда запомнила его таким, любила, писала письма. Теперь вместо него придется привыкать к крепкому, немолодому и, чего греха таить, совершенно чужому мужику. Словно в подтверждение этих мыслей дядя сказал:

— А ты молодцом! Сколько тебе уже?

— Скоро сорок шесть.

— Значит, сорок пять. Золотой возраст. Сорок пять — ягодка опять.

Эту идиотскую присказку мне приходилось в последнее время выслушивать постоянно. Никакие уклончи-

вые: «Скоро сорок шесть...» не принимались. Ягодка, и все тут. Зимняя вишня, наверное. Особенно упорно это твердила сестра. Мое будущее она видела исключительно в удачной женитьбе, благо одиноких и обеспеченных подруг у нее было хоть отбавляй.

Ужин прошел на славу, как и положено на именинах русского философа, за разговорами обо всем на свете. Дядя Боря за то время, что я его не видел, почти не изменился. Такой же желчный, насмешливый и седой, каким был в шестьдесят лет. Даже морщин у него почти не было, только несколько характерных линий, прочерченных жизнью у глаз и рта. Его приверженность принципам нельзя было не уважать. Прожив полтора десятка лет безвыездно на загородной даче, он даже не обзавелся телевизором, прекрасно обходясь лишь радиоприемником. Только читал и думал. Настоящая старость философа.

Когда перебрались поближе к камину, заговорили о литературе. В последних модных новинках дядя разбирался не в пример лучше меня. Разговор зашел о романе «Код да Винчи».

К стыду моему, я сей бестселлер прочитать не удосужился, но, чтобы не портить беседу, время от времени кивал и поддакивал, тем более что близкое пламя и изрядное количество выпитого настроили меня на романтический лад. А разговор зашел о вещах, как нельзя лучше подходящих для беседы у камина сырым и темным вечером в уединенном загородном доме. Тайные общества, вековые тайны. Дяде, как я понял, роман не понравился. Свое мнение он выражал в типичной преподавательской манере, методично излагая факты:

— Бросьте, молодой человек, — не торопясь, тянул дядя, грея в руках бокал с сухим чилийским, — вам навешали лапши на уши, а вы и рады. Самое главное, даже ничего не придумали нового. Все это уже тысячи раз муссировалось во все времена. Этот ваш приорат Сиона выдумали лет двадцать назад какие-то ребята из Англии. Дай бог памяти, где-то в 1982 году вышла книга «Святая кровь и Святой Грааль». — Зная дядю, можно было ручаться, что книга вышла ни годом раньше, ни годом позже, просто ему не хотелось превращать застольный разговор в занудное изложение точных дат. — Сделали денежки на легковых людях, по-моему, даже фильм какой-то сняли. Потом всем надоело. Теперь почистили старый товар, облекли в форму легкого и увлекательного чтения и впаривают по второму разу. Хотя какое там по второму! Очень к месту пришлась книжонка. Традиционные церкви переживают кризис, кому-то все эти исторические штудии очень кстати.

Алексей горячился, что-то возражая, а я, по причине незнакомства с предметом обсуждения, сладко погружался в дремоту. Голоса становились все дальше и тише, как вдруг меня привлекло слово «Симбирск». Это уже что-то близкое. Неужели герои заморского бестселлера действовали в российской глубинке? Я напряг слух.

— Если вы уж так любите странные совпадения, заметьте, реальные, а не притянутые за уши, то единственный из известных в истории масонских храмов

был построен в Симбирске, — витийствовал дядя Боря. — Во всем мире тысячи лож этих так называемых вольных каменщиков, бесчисленное число организаций, залов для собраний, потайных комнат, всего чего угодно, но нет ни одного их храма. Есть, конечно, некие здания, предположительно игравшие эту роль, но, заметьте, — предположительно! А единственный реальный, безусловно существовавший, масонский храм был только в Симбирске!

— Россия — родина слонов! — буркнул Алексей. Дядя Боря обиделся.

— Я этого не говорил. Я, собственно, только сообщил факт и не дал ему никакой оценки. Это вы все любите обобщать. А вот вам еще факт. В этом городе родился Ленин, пожалуй, одна из самых демонических личностей в истории, да и Керенский, птичка, правда, помельче, тоже из Симбирска. Если хотите и увяжите эти факты. Какой-нибудь хороший писака из этого бы такую конфетку сделал — куда вашему «Коду да Винчи». А вы глотаете чужой суррогат не первой свежести!

Меня лично впечатлила «демоническая личность». Ленина в последнее время как только не называли, но услышать такое из уст бывшего партийного идеолога и преподавателя научного коммунизма дорогого стоит. Видимо, пятнадцать лет уединенных размышлений на даче не прошли даром.

Чтобы немного унять страсти, я вставил:

— Вторяки отмучиваете.

— Что? — не поняли дядя с Алексеем

— Завариваете уже спитой чай. Просто в определенных кругах, где не принято употребление столь высокоумных слов, как суррогат и прочее, так говорят о тех, кто вынужден использовать что-либо выброшенное другими за ненадобностью.

Алексей посмотрел на меня с уважением, явно догадавшись, о каких «определенных кругах» идет речь. Теперь наверняка вернет это выражение где-нибудь в беседе со знакомыми. Блатной жаргон сейчас в моде. А в дяде Боре проснулся педагог:

— Ох, говорил я тебе, Леонид, иди в московское училище. Не послушал ты меня.

Здесь я вынужден объяснить смысл этих слов. После окончания школы романтические мечты понесли меня в пограничное училище. Для генеральского сынка вполне нормальное дело. Дядя Боря, считавший себя обязанным после смерти моего отца заботиться обо мне, стал всячески содействовать моему поступлению в московское училище, благо там было немало довольно заманчивых специальностей, вроде дипломатического курьера или переводчика-референта. Я же избрал Алма-Ату. Романтически настроенного юношу, влюбленного в Эркюля Пуаро, больше привлекли слова «розыскная работа». Эта дорога и привела меня в конечном итоге во внутренние войска, где я занимался отловом бежавших преступников.

Действительность оказалась намного циничней романтических представлений юности. Служба была тяжелой, неблагодарной и карьерно абсолютно бесперспективной. Я так и не выслужился выше капитана. Не помогли даже годы, проведенные в Афганистане и горячих точках. А вот общение с преступным миром не прошло даром. Нередко меня принимают за человека «сиделого», что в наше время даже престижно.

Да еще, когда я слонялся без работы, бывший подопечный устроил меня в службу безопасности одного банка в Самаре. Зря старался. Я все равно не пришелся ко двору в мире, где так тяжело отличить белое от черного.

Поэтому определенная правда в дядином упреке была. Послушай я его тогда, глядишь, и сидел бы сейчас в какой-нибудь думе или совете директоров. Хотя, что касается блатного жаргона, то, я думаю, он излишне щепетилен. Столь любимое политиками и журналистами словечко «беспредел» тоже пришло в нашу речь не из Академии наук.

Тем не менее моя профессия научила умению работать с информацией. Я спросил:

— А кто построил этот храм?

Дядя Боря обрадовался, что заинтересовал даже такого солдафона, как я:

— Неизвестно. Он был построен в имении помещика Киндякова предположительно в восьмидесятих годах восемнадцатого века и простоял до двадцатых годов теперь уже прошлого столетия, пережив Октябрьскую революцию.

Раньше дядя Боря говорил только «Великая Октябрьская». Прогресс. Тем временем именинник удалился в другую комнату и вернулся с небольшой фотографией.

— Вот этот храм. Его последней хозяйкой была некая британская подданная Перси-Френч.

Хмель вылетел у меня из головы. Я выхватил у дяди из рук фотографию и стал рассматривать. Качество у нее было неважное. Какие-то колонны, статуя на крыше, ничего особенного. Разве что название. Масонский храм. Да еще единственный в мире. И имя последней хозяйки. Перси-Френч. Я не впервые слышал эту фамилию.

За окном шел дождь со снегом. Сильный ветер подхватывал ледяные капли и со стуком швырял в окно, с воем раскачивал в ночном мраке обледенелые ветки деревьев. Весь мир спал. Мне почему-то ни с того ни с сего вдруг вспомнилось, что вот в такую же холодную мартовскую ночь замерз Иудушка Головлев, литературный герой, призванный, по замыслу наших прежних идеологов, олицетворять духовную кончину праздного и исторически изжившего себя российского дворянства. На самом деле, наверное, все было намного проще. Все эти помещики, господа и баре просто стали ненужными в нарождающемся царстве чистогана. Тех, кто так и не смог грянуть топором по дедовским вишневым садам, ждало медленное выдавливание на обочи-

ну жизни, пока освободившиеся массы не вычеркнули уцелевших из жизни вообще.

Может, вот так же, как я сейчас, лежал холодной мартовской ночью в теплой постели, где-то в забытом богом старом доме, какой-нибудь отставной капитан и думал о безрадостной участи, которую уготовило ему будущее. Прозябание на нищенскую пенсию и никому не интересные рассказы о своих былых заслугах. А позади целая жизнь. Бурная, яркая, богатая событиями. Жизнь, в которой всегда было место подвигу. У того далекого отставного капитана, наверное, была еще и любовь. Настоящая, в старинном парке с цветущими липами. Балы, дуэли, кони, несущиеся по вечерней дороге, и псовая охота в предраассветном осеннем поле. Другой мир, далекий и таинственный, как горящая в ночном небе звезда.

Вот оттуда, из этого исчезнувшего мира, и долетело до меня удивительное имя, похожее на эльфийскую песню из древнего кельтского сказания. Перси-Френч.

Это было четырнадцать лет назад, на самом стыке эпох. Корабль под названием Советский Союз разнесло в щепки о рифы истории, и миллионы его пассажиров судорожно цеплялись за обломки или пытались самостоятельно выплыть из житейских водоворотов. Меня кораблекрушение выбросило на берег Волги в маленький городок Сызрань. По иронии судьбы этот железнодорожный узел находится как раз там, где стальная магистраль, берущая свое начало в недрах Средней Азии, разбивается на пять потоков, разбегающихся по